

Л.Троцкий.

Завещание Ленина

Публикация: Ю. Фельштинский
Email: y.felshtinsky@verizon.net
Date: 31 Mar 2004

Публикация
Ю. Фельштинского

6 (475)*90 ГОРИЗОНТ
Общественно-политический ежемесячник

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ!
Ё. Ефимов
(ответственный
редактор),
И. Бестужев-Лада,
А. Гангнус,
В. Пекшеев,
А. Рубинов,
К. Столяров,
А. Тагильцев,
А. Ястребов

НАД НОМЕРОМ
РАБОТАЛИ:
М. Каро,
И. Красотова,
Л. Кузнецов,
художественный
редактор
И. Лопатина,
технический
редактор
М.Гречнева

фото

А. Кондратьева

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 27.04.90.

Подписано к печати 05.06.90.

Л22098. Формат 84X108'/и.

Бумага газетная. Гар-
нитур "Литературная"

и "Курнально-рубленая".

Печать высокая. Усл. печ.

л. 3,57. Усл. кр.-отт. 4,62.

Уч.-изд. л. 6,16. Тираж

100 000 экз. Заказ 796.

Цена 15 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательств-во "Московский рабочий".
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типогра-
фия "Красный пролета-
рий". 103473, Москва,
И-473, Краснопролетар-

ская, 16.

СОДЕРЖАНИЕ

Перестройка: дела, проблемы, люди

Андрей Нуйкин. "А У НАС ЗАТО..."

Из редакционной почты

16

МИЛОСЕРДИЕ И ЛЮДОЕДСТВО

Дискуссионный клуб

Леонид Баткин. ЕЩЕ ОДИН ОБЕС

КУРАЖИВАЮЩИЙ УСПЕХ 19

Москва и москвичи

Александр Орлов, ЩЕРБАТОЕ ЛИ

ЦО СТОЛИЦЫ 31

Страницы истории

Лев Троцкий. ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИ

НА. Публикация Юрия Фельштин

ского 35

Литература и искусство

Сергей Юрьенен. ЗИМНИЙ ДВО

РЕЦ. ГАРНИЗОН У ЗАПАДНЫХ ГРА

НИЦ. Рассказы 54

На вкладке: работы с выставки российского плаката "От Челюскинской до Байкала",

. 0301020800--57 M172|03|--90

Без объявл.

й Издательство "Московский рабочий", "Горизонт", 1990

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Лев Троцкий ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

Предлагаем вниманию читателей весьма, на наш взгляд, выразительный документ - неизвестную статью Л. Троцкого.

С момента своей высылки за пределы СССР, последовавшей в феврале 1929 года, Троцкий буквально не выпускал из рук пера, продолжая борьбу против высланного его Сталина. Он издавал журнал, публиковал книги, заваливал прессу статьями, заявлениями, интервью, вел обширную переписку со своими сторонниками во многих странах мира.

Статья "Завещание Ленина", написанная Троцким в декабре 1932 года, не составила исключения из привычного для него жанра партийной полемики. Однако содержание статьи не замкнуто на самом завещании Ленина. "Завещание", о котором Троцкий решил вспомнить спустя десять лет после его написания Лениным, было лишь очередным поводом для продолжения борьбы против Сталина. Поэтому название статьи в известной степени уже ее содержания.

С первого дня борьбы за власть между Троцким и различными группами

Политбюро, в которые, однако, всегда входил Сталин, Троцкий апеллировал к Ленину, уже мертвому, но канонизированному всеми соперничающими группами как символ истинного большевизма. Троцкий в этом отношении был честен. У него было не меньше оснований считать себя первым претендентом на ленинское наследство, чем у Сталина.

В последние месяцы своей жизни Ленин действительно "прости" Троцкому его отклонения от ленинизма и откровенно предложил заключить блок против Сталина, с которым у Ленина во время его болезни отношения резко испортились. Но именно в 1923 году, когда на сторону Троцкого стал умирающий Ленин, Сталин ответил на это укреплением своих позиций в партийном аппарате. В конечном счете Троцкий был побежден.

Остаток своей жизни Троцкий доказывал всем и всегда, когда это было возможно, что Сталин - не настоящий ленинец, а настоящий - он, Троцкий. Ему нельзя отказать в правомочности этого заявления, но лишь наполовину: Сталин был последовательным большевиком не в меньшей степени, чем Троцкий. Но они были последовательны по-разному: Троцкий делал упор на революционную догму, Сталин полагался на реальную силу и власть...

Редакция благодарит сотрудника Гуверовского института при Стэнфордском университете Юрия ФЕЛЬШТИНСКОГО, обнаружившего эту статью в Архиве Троцкого (США), за любезное согласие опубликовать ее на страницах "Горизонта",

Школа чистого психологизма

Послевоенная эпоха ввела в широкий оборот психологическую биографию, которую мастера этого рода нередко совершенно вырывают из общества. Основной пружиной истории оказывается абстракция личности. Деятельность "политического животного", как гениально определил человека Аристотель, разлагается на личные страсти и инстинкты.

Слова об абстрактной личности могут показаться абсурдом. Не являются ли на самом деле абстрактными сверхлические силы истории? И что может быть конкретнее живого человека? Однако мы настаиваем на своем. Если очистить личность, хотя бы и самую гениальную, от содержания, которое вносится в нее средой, нацией, эпохой, классом, кругом, семьей, то останется пустой автомат, психофизический ро-

бот, объект естественных, но не социальных и не гуманитарных наук. Причины ухода от истории и общества надо, как всегда, искать в истории и обществе. Два десятилетия войн, революций и кризисов сильно потрепали суверенную человеческую личность. То, что хочет получить значение на весах современной истории, должно измеряться не менее чем семизначными числами. Обиженная личность ищет реванша. Не зная, как ей справиться с разнуздавшимся обществом, она поворачивается к нему спиной. Неспособная объяснить себя через исторический процесс, она пытается объяснить историю изнутри себя самой. Так индусские философы строили универсальные системы, созерцая собственный пупок.

Влияние Фрейда на новую биографическую школу неоспоримо, но поверхностно. По существу, салонные психологи склоняются к беллетристической безответственности. Они пользуются не столько методом Фрейда, сколько его терминами, и не столько для анализа, сколько для литературного украшения.

В последних своих работах Эмиль Людвиг, наиболее популярный представитель этого жанра, сделал новый шаг по избранному пути: изучение жизни и деятельности героя он заменил диалогом. За ответами политика на поставленные ему вопросы, за его интонациями и гримасами писатель открывает его действительные побуждения. Беседа превращается почти в исповедь.

По технике своей новый подход Людвиг к герою напоминает подход Фрейда к пациенту: дело идет о том, чтоб вывести личность на чистую воду при ее собственном содействии. Но при внешнем сходстве, какая разница по существу! Плодотворность работ Фрейда достигается ценою героического разрыва со всякими условностями. Великий психоаналитик беспощаден. За работой он похож на хирурга, почти на мясника с засученными рукавами. Чего-чего, а дипломатичности в его технике нет и на сотую процента. Фрейда меньше всего заботят престиж пациента, соображения хорошего тона, всякая вообще фальшь и

мишура. Именно поэтому он может вести свой диалог не иначе, как с глазу на глаз, без секретарей и стенографов, за дверью, обитой войлоком.

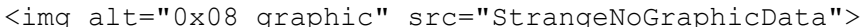
Иное дело Людвиг. Он вступает в беседу с Муссолини или со Сталиным, чтобы представить миру аутентичный портрет их души. Но беседа ведется по заранее согласованной программе. Каждое слово стенографируется. Высокоставленные пациенты достаточно хорошо понимают, что может служить им на пользу, а что во вред. Писатель достаточно опытен, чтобы различать риторические уловки, и достаточно учтив, чтоб не замечать их. Развертывающийся в этих условиях диалог если и похож на исповедь, то на такую, которая инсценируется для звукового фильма.

Эмиль Людвиг пользуется каждым поводом, чтобы заявить: "Я ничего не понимаю в политике". Это должно означать: я стою выше политики. На самом деле это лишь форма профессионального нейтралитета или, если сделать по-заимствованье у Фрейда, та внутренняя цензура, которая облегчает психологу ее политическую функцию. Так дипломаты не вмешиваются во внутреннюю жизнь страны, пред правительством которой они аккредитованы, что, впрочем, не мешает им при случае поддерживать заговоры и финансировать террористические акты.

Один и тот же человек в разных условиях развивает разные стороны своей личности. Сколько Аристотелей пасут свиней и сколько свинопасов носят на голове корону! Между тем Людвиг даже противоречия между большевизмом и фашизмом без труда растворяет в индивидуальной психологии. Столь тенденциозный "нейтралитет" не проходит безнаказанно и для самого проницательного психолога. Порвав с социальной обусловленностью человеческого сознания, он вступает в царство субъективного произвола. "Душа" не имеет трех измерений и потому не способна на сопротивление, которое свойственно всем другим материалам. Писатель теряет вкус к изучению фактов и документов. К чему серые достоверности, когда их можно заменить яркими догадками?

В работе о Сталине, как и в книге о Муссолини, Людвиг остается "вне политики". Это нисколько не мешает его работам являться орудием политики. Чьей? В одном случае - Муссолини, в другом - Сталина и его группы. Природа не терпит пустоты. Если Людвиг не занимается политикой, то это не значит, что политика не занимается Людвигом.

В момент выхода моей Автобиографии¹, около трех лет тому назад,

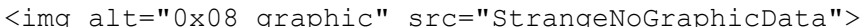

¹ Троцкий Л, Моя жизнь; Опыт автобиографии, Т, 1--2. Берлин: Гранит. 1930.-- Ю. Ф,

официальный советский историк Покровский¹, ныне уже покойный, писал: необходимо немедленно ответить на эту книгу, засадить за работу молодых ученых, опровергнуть все, что подлежит опровержению и проч. Но поразительное дело: никто, решительно никто, не ответил, ничто не было ни разобрано, ни опровергнуто. Нечего было опровергать и некому, оказалось, написать книгу, для которой нашлись бы читатели.

За невозможностью нанести лобовой удар пришлось прибегнуть к фланговому. Людвиг, конечно, не историк сталинской школы. Он независимый психологический портретист. Но именно через чуждого политике писателя удобнее всего бывает иногда пустить в оборот идеи, для которых не остается иного подкрепления, кроме популярного имени. Мы сейчас увидим, как это выглядит на деле.

"Шесть слов"

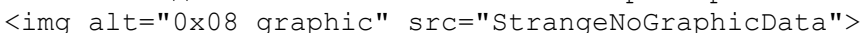

Ссылаясь на свидетельство Карла Радека, Эмиль Людвиг передает, с его слов, следующий эпизод: "После смерти Ленина сидели мы, 19 человек из ЦК, вместе, с напряжением ожидая, что нам скажет из своего гроба вождь, которого мы лишились. Вдова Ленина передала нам его письмо. Сталин оглашал его. Во время оглашения никто не пошевелился. Когда дело дошло до Троцкого, там значилось: "его небольшевистское прошлое не случайность". На этом месте Троцкий прервал чтение и спросил: "Как там сказано?" Предложение было повторено. Это были единственные слова, которые прозвучали в этот торжественный час".

Уже в качестве аналитика, а не повествователя Людвиг делает замечание от себя: "Страшный момент, когда сердце Троцкого должно было остановиться: эта фраза из шести слов решила, в сущности, его жизнь". Как просто, оказывается, найти ключ к историческим загадкам! Патетические строки Людвиг раскрыли бы; вероятно, мне самому тайну моей судьбы, если бы... Если бы рассказ Радека - Людвиг не был ложен с начала до конца: в мелком и в крупном, в безразличном и значительном.

Начать с того, что Завещание было написано Лениным не за два года до его смерти, как утверждает наш автор, а за год: оно датировано 4 января 1923 года, Ленин умер 21 января 1924 года; политическая жизнь его окончательно оборвалась уже в марте 1923 года. Людвиг утверждает, будто Завещание никогда не было опубликовано полностью. На самом деле оно воспроизводилось десятки раз на всех языках мировой печати. Первое официальное оглашение Завещания в Кремле происходило не в заседании ЦК, как пишет Людвиг, а в Совете старейшин XIII партийного съезда 22 мая 1924 года. Оглашал Завещание не Сталин, а Каменев, в качестве неизменного в то время председателя центральных партийных учреждений. И наконец, самое главное: я не прерывал чтения взволнованным восклицанием за отсутствием к этому какого бы то ни было повода: тех слов, которые Людвиг записал под диктовку Радека, в тексте Завещания нет: они представляют чистойшей вымысел. Как ни трудно этому поверить, но это так!

Если бы Людвиг не относился слишком пренебрежительно к фак-

¹ Михаил Николаевич Покровский (17 (29) августа 1868--10 апреля 1932) - советский историк, с 1929 г.-- академик,-- Ю, Ф.

тическому фундаменту для своих психологических узоров, он без труда мог бы достать точный текст Завещания, установить необходимые факты и даты и тем избежать плачевных ошибок, которыми, к сожалению, кишит его работа о Кремле и большевиках.

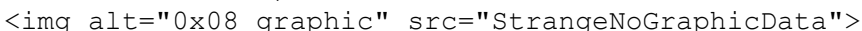
Так называемое Завещание написано в два приема, отделенных промежутком в десять дней: 25 декабря 1922 года и 4 января 1923 года. О документе знали первоначально только два лица: стенографистка, М. Володичева, которая его записывала под диктовку, и жена Ленина Н. Крупская. Пока оставалась тень надежды на выздоровление Ленина, Крупская оставляла документ под замком. После смерти Ленина она, незадолго до XIII съезда, передала Завещание в Секретариат ЦК, с тем чтоб оно через партийный съезд было доведено до сведения партии, для которой предназначалось.

К этому времени партийный аппарат был полуофициально в руках тройки (Зиновьев, Каменев, Сталин), фактически же в руках Сталина. Тройка решительно высказалась против оглашения Завещания на съезде: мотивы понять нетрудно. Крупская настаивала на своем. В этой стадии спор происходил за кулисами. Вопрос был перенесен на собрание старейшин съезда, т. е. руководителей провинциальных делегаций. Здесь о Завещании впервые узнали оппозиционные члены Центрального Комитета, в том числе и я. После того как было постановлено, чтобы никто не делал записей, Каменев приступил к оглашению текста. Настроение аудитории действительно было в высшей степени напряженным. Но, насколько можно восстановить картину по памяти, я сказал бы, что несравненно больше волновались те, которым содержание документа уже было известно. Тройка внесла через одного из подставных лиц предложение, заранее согласованное с провинциальными главарями: документ будет оглашен по отдельным делегациям, в закрытых заседаниях, никто не смеет при этом делать записи: на пленуме съезда на Завещание нельзя ссылаться. Со свойственной ей мягкой настойчивостью Крупская доказывала, что это есть прямое нарушение воли Ленина, которому нельзя отказать в праве довести свой последний совет до сведения партии. Но связанные фракционной дисциплиной члены Совета старейшин оставались непреклонны: подавляющим большинством прошло предложение тройки.

Чтоб пояснить смысл тех мистических и мифических "шести слов", которые будто бы решили мою судьбу, нужно напомнить некоторые предшествовавшие и сопутствовавшие обстоятельства. Уже в период острых споров по поводу октябрьского переворота "старые большевики", из числа правых, не раз указывали с раздражением на то, что Троцкий-де раньше не был большевиком;

Ленин всегда давал таким голосам отпор. Троцкий давно понял, что объединение с меньшевиками невозможно, говорил он, например, 14 ноября 1917 года, "и с тех пор не было лучшего большевика"¹. В устах Ленина эти слова кое-что означали.

Два года спустя, объясняя в письме к иностранным коммунистам условия развития большевизма, бывшие разногласия и расколы, Ленин указывал на то, что "в решительный момент, в момент завоевания

¹ Ленин сказал это 1 (14) ноября 1917 г. на заседании Петроградского комитета большевиков. Подробнее см.: Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин: Гранит, 1932. С. 119, Протокол этого заседания опубликован также в журнале "Бюллетень оппозиции", издаваемом под ред. Л. Д. Троцкого с момента высылки Троцкого из СССР (см.: Бюллетень оппозиции. 1929. Ноябрь - декабрь, No 7, С. 31--37). Рукопись хранится в архиве Троцкого, -- Ю. Ф.,

власти и создания 'Советской Республики, большевизм оказался единым, он привлек к себе все лучшее из близких ему течений социалистической мысли..." Более близкого к большевизму течения, чем то, которое я представлял до 1917 года, не существовало ни в России, ни на Западе. Объединение мое с Лениным было predeterminedено логикой идей и логикой событий, В решительный момент большевизм привлек в свои ряды "все лучшее из близких ему течений" - такова оценка Ленина. У меня нет оснований против нее возражать.

Во время двухмесячной дискуссии по вопросу о профессиональных союзах (зима 1920/21 г.) Сталин и Зиновьев опять пытались пустить в ход ссылку на небольшевистское прошлое Троцкого. В ответ на это менее сдержанные ораторы противоположного лагеря напоминали Зиновьеву его поведение в период октябрьского переворота. Обдумывая в своей постели со всех сторон, как сложатся в партии отношения без него, Ленин не мог не предвидеть, что Сталин и Зиновьев попытаются использовать мое небольшевистское прошлое для мобилизации старых большевиков против меня. Завещание пытается предупредить попутно и эту опасность. Вот что там говорится непосредственно вслед за характеристикой Сталина и Троцкого: "Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому".

Указание на то, что октябрьский эпизод "не являлся случайностью", преследует совершенно определенную цель предупредить партию, что в критических условиях Зиновьев и Каменев могут снова обнаружить недостаток выдержки. Это предостережение не стоит, однако, ни в какой связи с упоминанием о Троцком: по отношению к нему рекомендуется лишь не пользоваться его небольшевистским прошлым, как доводом. У меня не было, следовательно, никакого повода задавать вопрос, который приписывает мне Радек. Заодно отпадает и догадка Людвига об "остановившемся сердце". Завещание меньше всего ставило себе задачей затруднить мне руководящую работу в партии. Оно, как увидим далее, преследовало прямо противоположную цель.

"Взаимоотношения Сталина и Троцкого"

Центральное место Завещания, занимающего две написанных на машинке страницы, отведено характеристике взаимоотношений Сталина и Троцкого, "двух выдающихся вождей современного ЦК". Отметив "выдающиеся способности" Троцкого ("самый способный человек в настоящем ЦК"), Ленин тут же указывает его отрицательные черты: "чрезмерная самоуверенность" и "чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела". Как ни серьезны указанные недостатки сами по себе, они не имеют - замечу мимоходом - никакого отношения к "недооценке крестьянства", ни к "неверию во внутренние силы революции", ни к другим, эпигонским измышлениям позднейших годов.

С другой стороны, Ленин пишет: "Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью". Речь идет здесь не о политическом влиянии Сталина, которое в тот период было совсем незначительно, а об административной власти, которую он сосредоточил в своих руках, "сделавшись генсеком". Это очень точная и строго взвешенная формула:

мы еще вернемся к ней.

Завещание настаивает на увеличении членов ЦК до 50, даже до 100 человек, дабы своим компактным давлением они могли сдерживать центробежные тен-

денции в Политбюро. Организационное предложение имеет пока еще видимость нейтральной гарантии против личных конфликтов. Но уже через 10 дней оно кажется Ленину недостаточным, и он приписывает дополнительное предложение, которое и придает всему документу его окончательную физиономию: "...я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях¹ отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д."

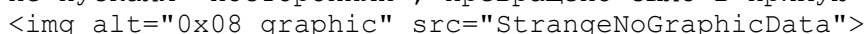
В дни, когда диктовалось Завещание, Ленин стремился еще давать своей критической оценке Сталина как можно более сдержанное выражение. В ближайшие недели его тон будет становиться все резче, вплоть до того последнего часа, когда его голос оборвется навсегда. Но и в Завещании сказано достаточно, чтоб мотивировать необходимость смены генерального секретаря. Наряду с грубостью и капризностью Сталину вменяется в вину недостаток лояльности. В этом пункте характеристика превращается в тяжелое обвинение.

Как ясно станет из дальнейшего, Завещание не могло явиться для Сталина неожиданностью. Но это не смягчало удара. После первого ознакомления с документом, в Секретариате, в кругу ближайших сотрудников Сталин разрешился фразой, которая давала совершенно неприкрытое выражение его действительным чувствам по отношению к автору Завещания. Условия, при которых фраза проникла в более широкие круги, и, главное, неподдельный характер самой реакции, являются, в моих глазах, безусловной гарантией достоверности всего эпизода. К сожалению, крылатая фраза не подлежит оглашению в печати.

Заключительное предложение Завещания недвусмысленно показывает, откуда, по Ленину, шла опасность. Сместить Сталина - именно его и только его -- значило оторвать его от аппарата, отнять у него возможность нажимать на длинное плечо рычага, лишить его всей той власти, которую он сосредоточил в своих руках по должности.

Кого же назначить генеральным секретарем? Лицо, которое, имея положительные черты Сталина, было бы, однако, более терпимым, более лояльным, менее капризным. Именно эту фразу Сталин воспринял особенно остро: Ленин явно не считал его незаменимым, раз предлагал поискать более подходящее лицо на тот же пост. Подавая, для формы, в отставку, генеральный секретарь капризно повторял: "Что ж, я действительно груб... Ильич предлагает вам найти другого, который отличался бы от меня только большей вежливостью. Что ж, попробуйте найти". -- "Ничего, -- отвечал с места голос одного из тогдашних друзей Сталина, -- нас грубостью не испугаешь, вся наша партия грубая, пролетарская".. Косвенно здесь Ленину приписывалось салонное понимание вежливости. Об обвинении в недостатке лояльности ни Сталин, ни его друзья не упоминали. Не лишено, пожалуй, интереса, что голос поддержки исходил от А. П. Смирнова, тогдашнего народного комиссара земледелия, состоящего ныне под опалой, в качестве правого. Политика не знает благодарности.

Рядом со мною во время оглашения Завещания сидел Радек, тогда еще член ЦК. Легко поддающийся влиянию момента, лишенный внутренней дисциплины, сразу зажженный Завещанием, Радек нагнул ко мне со словами: "Теперь они не посмеют пойти против вас". Я ответил ему: "Наоборот, теперь им придется идти до конца и притом как можно скорее". Уже ближайшие дни XIII съезда показали, что моя оценка была более трезвой. Тройке необходимо было предупредить возможное действие Завещания, поставив партию как можно скорее перед совершившимся фактом. Уже оглашение документа по земляческим делегациям, куда не пускали "посторонних", превращено было в прямую

 ``

¹ Не забудем, что Завещание продиктовано и не выправлено, отсюда местами стилистические несообразности текста; но мысль совершенно ясна, -- Л. Т.

борьбу против меня. Старейшины делегаций проглатывали при чтении одни слова, напирали на другие и давали комментарии в том смысле, что письмо написано тяжело больным, под влиянием происков и интриг. Аппарат уже господствовал безраздельно. Один тот факт, что тройка могла решиться попать волю Ленина, отказав в оглашении письма на съезде, достаточно характеризует состав съезда и его атмосферу. Завещание не приостановило и не смягчило внутреннюю борьбу, наоборот, придало ей катастрофические темпы.

Отношение Ленина к Сталину

Политика настойчива: она умеет заставить служить себе и тех, которые демонстративно поворачиваются к ней спиной. Людвиг пишет: "Сталин страстно следовал за Лениным до его смерти". Если бы эта фраза выражала лишь факт огромного влияния Ленина на его учеников, включая и Сталина, возражать не было бы основания. Но Людвиг хочет сказать нечто большее. Он хочет отметить исключительную близость к учителю именно данного ученика. В качестве особенно ценного свидетельства Людвиг приводит при этом слова самого Сталина: "Я только ученик Ленина, и моя цель быть достойным его учеником". Плохо, если профессиональный психолог некритически оперирует с банальной фразой, условная скромность которой не заключает в себе ни атома интимного содержания. Людвиг становится здесь просто проводником официальной легенды, созданной за самые последние годы. Вряд ли он при этом хоть в отдаленной степени представляет себе те противоречия, в которые его заводит безразличие к фактам. Если Сталин действительно "следовал за Лениным до его смерти", чем объяснить в таком случае, что последним документом, продиктованным Лениным накануне второго удара, было коротенькое письмо Сталину, всего из нескольких строк, о прекращении с ним всяких личных и товарищеских отношений? Единственный в своем роде случай в жизни Ленина - резкий разрыв с одним из близких сотрудников - должен был иметь очень серьезные психологические причины и являлся бы, по меньшей мере, непонятным в отношении ученика, который "страстно" следовал за учителем до конца. Однако от Людвига мы об этом не слышим ни слова.

Когда письмо Ленина о разрыве со Сталиным стало широко известно на верхах партии, уже после распада тройки, Сталин и его ближайшие друзья не нашли другого выхода кроме все той же версии о неменяемом состоянии Ленина. На самом деле Завещание, как и письмо о разрыве, писалось в те месяцы (декабрь 1922 - начало марта 1923), в течение которых Ленин, в ряде программных статей, дал партии наиболее зрелые плоды своей мысли. Разрыв со Сталиным не упал с ясного неба: он вытекал из долгого ряда предшествующих конфликтов принципиального и практического характера, и он трагически освещает всю остроту этих конфликтов.

Ленин, несомненно, высоко ценил известные черты Сталина. Твердость характера, цепкость, упорство, даже беспощадность и хитрость - качества, необходимые в войне, следовательно, и в ее штабе. Но Ленин вовсе не считал, что эти данные, хотя бы и в исключительном масштабе, достаточны для руководства партией и государством. Ленин видел в Сталине революционера, но не политика большого стиля. Значение теории для политической борьбы стояло в глазах Ленина слишком высоко. А Сталина никто не считал теоретиком, и сам он до 1924 г. не изъявлял никогда претензий на это звание. Наоборот, его слабая теоретическая подготовка была слишком известна в тесном кругу. Сталин не знаком с Западом, не знает ни одного иностранного языка. При обсуждении проблем мирового рабочего движения он никогда не привлекался. Сталин не был, наконец, -- это менее важно, но не лишено все же значения, -- ни писателем, ни

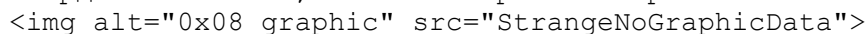
оратором в собственном смысле слова. Статьи его, несмотря на всю осторожность автора, кишат не только теоретическими несообразностями и наивностями, но и грубыми погрешностями против русского языка. Ценность Сталина в глазах Ленина почти исчерпывалась областью партийного администрирования и аппа-ратного маневрирования. Но и здесь Ленин вносил существенные оговорки, чрез-вычайно возросшие в последний период.

К идеалистическому морализированию Ленин относился с брезгливостью. Но это совсем не мешало ему быть ригористом революционной морали, т. е. тех

правил поведения, которые он считал необходимыми для успеха революции и построения нового общества. В ригоризме Ленина, естественно и свободно вытекавшем из его натуры, не было и капли педантизма, ханжества или чопорности. Он слишком хорошо понимал людей и брал их такими, как они есть. Недостатки одних он сочетал с достоинствами, иногда и с недостатками других, не переставая зорко следить за тем, что из этого выходит. Он хорошо знал к тому же, что времена меняются и мы вместе с ними. Партия из подполья одним взмахом поднялась на вершину власти. Это создавало для каждого из старых революционеров небывало резкую перемену в личном положении и во взаимоотношениях с другими людьми. То, что Ленин открыл у Сталина в этих новых условиях, он осторожно, но внятно отметил в Завещании: недостаток лояльности и склонность злоупотреблять властью. Людвиг прошел мимо этих намеков. Между тем именно в них нужно видеть ключ к отношениям между Лениным и Сталиным в последний период.

Ленин был не только теоретиком и практиком революционной диктатуры, но и зорким стражем ее нравственных основ. Каждый намек на использование власти в личных видах вызывал грозные огоньки в его глазах. "Чем же это лучше буржуазного парламентаризма?" – спрашивал он, чтоб ярче выразить душившее его возмущение, и прибавлял нередко по адресу парламентаризма одно из своих сочных определений. Между тем Сталин чем дальше, тем шире и тем неразборчивее пользовался заложенными в революционной диктатуре возможностями для вербовки лично ему обязанных и преданных людей. В качестве генерального секретаря он стал раздатчиком милостей и благ. Здесь заложен был источник неизбежного конфликта. Ленин постепенно утратил к Сталину нравственное доверие. Если понять этот основной факт, то все частные эпизоды последнего периода расположатся как следует и дадут действительную, а не фальшивую картину отношений Ленина к Сталину.

Свердлов и Сталин, как типы организатора

StrangeNoGraphicData">

Чтоб найти для Завещания надлежащее Место в развитии партии, необходимо сделать отступление.

До весны 1919 года главным организатором партии был Свердлов. Он не носил звания генерального секретаря, которое в то время вообще еще не было изобретено. Но он был им на деле. Свердлов умер 34 лет, в марте 1919 года, от так называемой испанской болезни. В разгаре гражданской войны и эпидемий, косивших направо и налево, партия едва успела отдать себе отчет во всей тяжести понесенной ею потери. В двух траурных речах Ленин дал Свердлову оценку, которая бросает отраженный, но очень яркий свет также и на его позднейшее отношение к Сталину. "В ходе нашей революции, в ее победах, --- говорил Ленин, -- довелось Свердлову выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было, самую сущность пролетарской революции". Свердлов был "прежде всего и больше всего организатором". Из скромного подпольного работника, не теоретика и не писателя, вырос в короткий срок "организатор, который завоевал абсолютно непререкаемый авторитет, организатор всей Советской власти в России и единственный по своим знаниям организатор работы партии". Ленину были чужды преувеличения юбилейных или заупокойных похвал. Оценка Свердлова была в то же время характеристикой задач организатора: "Только благодаря тому, что у нас был такой организатор, как Свердлов, мы могли в обстановке войны работать так, что у нас не было ни одного конфликта, который заслуживал бы внимания".

Так оно и было на деле. В беседах того времени с Лениным мы не раз отмечали, с постоянно свежим чувством удовлетворения, что одно из главных условий нашего успеха – единство и сплоченность правящей группы. Несмотря на страшный напор события и трудностей, новизну вопросов и вспыхивавшие мо-

ментами острые практические разногласия, работа шла замечательно гладко, дружно, без перебоев. Короткими намеками мы вспоминали эпизоды старых революций. "Нет, у нас лучше". "Это одно обеспечит нам победу". Сплоченность центра была подготовлена всей историей большевизма и поддерживалась неоспоримым авторитетом руководства, и прежде всего Ленина. Но во внутренней механике этого беспримерного единодушия главным монтером был Свердлов. Секрет его был прост – руководствоваться интересами дела, и только ими. Никто из работников партии не опасался интриги, ползущей из

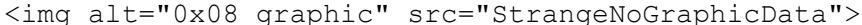
партийного штаба. Основу свердловского авторитета составляла лояльность.

Из мысленной проверки всей партийной верхушки Ленин делал в своей надгробной речи практический вывод: "Такого человека нам не заменить никогда, если под заменой понимать возможность найти одного товарища, совмещающего в себе такие способности... Та работа, которую он делал один, теперь будет под силу лишь целым группам людей, которые, идя по его стопам, будут продолжать его дело". И эти слова были не риторикой, а строго деловым предложением. Так именно и поступили: вместо единоличного секретаря установили коллегия из трех лиц.

Из слов Ленина и для непосвященного в историю партии очевидно, что при жизни Свердлова Сталин не играл руководящей роли в аппарате партии, ни во время Октябрьской революции, ни в период возведения фундамента и стен Советского государства. В первый секретариат, заменивший Свердлова, Сталин также не был включен.

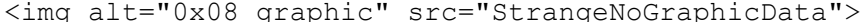
Когда на X съезде, через два года после смерти Свердлова, Зиновьев и другие, не без задней мысли о борьбе против меня, проводили кандидатуру Сталина в генеральные секретари, т. е. ставили его юридически на то место, которое Свердлов занимал фактически, Ленин в тесном кругу восставал против этого плана, выражая опасение, что "этот повар будет готовить только острые блюда". Одна эта фраза, сопоставленная с характеристикой Свердлова, показывает нам различие двух типов организатора: одного, который неумолимо смягчал трения, облегчая работу коллегии, и другого, специалиста острых блюд, не боявшегося приправлять их и прямой отравой. Если Ленин не довел в марте 1921 года своего сопротивления до конца, т. е. не апеллировал открыто к съезду против кандидатуры Сталина, то лишь потому, что пост секретаря, хотя бы и "генерального", имел в тогдашних условиях, при сосредоточении влияния и власти в руках Политбюро, строго подчиненное значение. Может быть, впрочем, Ленин, как и некоторые другие, недооценил своевременно опасности.

Болезнь Ленина

В конце 1921 года здоровье Ленина резко надломилось. 7 декабря, выезжая, по настоянию врачей, в деревню, Ленин, мало склонный жаловаться, писал членам Политбюро: "Уезжаю сегодня. Несмотря на уменьшение мною порции работы и увеличение порции отдыха за последние дни, бессонница чертовски усилилась. Боясь, не смогу докладывать ни на партконференции, ни на Съезде Советов"¹. Пять месяцев он томится, наполовину отстраненный врачами и друзьями от работы, в постоянной тревоге за ход правительственных и партийных дел, в постоянной борьбе с подтачивающим его недугом. В мае его поражает первый удар. В течение двух месяцев Ленин не способен ни говорить, ни писать, ни двигаться. С июля он медленно поправляется. Не покидая деревни, он постепенно втягивается в деловую переписку. В октябре возвращается в Кремль и официально возобновляет работу.

"Нет худа без добра, -- писал он для себя, в конспекте будущей речи, -- я засиделся и полгода смотрел "со стороны". Ленин хочет сказать: я раньше слишком засиделся на своем посту и многого не замечал; длительный перерыв позволит мне теперь на многое взглянуть свежими глазами. Больше всего потряс его, несомненно, чудовищный рост бюрократического могущества, средоточием которого стало Организационное Бюро ЦК.

¹ Это, как и многие другие письма, цитируемые в настоящей статье, воспроизводится на основании документов моего архива, - Л. Т.

Необходимость смены мастера, специализировавшегося на острых блюдах, встает перед Лениным сразу после его возвращения к работе. Но этот персональный вопрос успел значительно осложниться. Ленин не мог не видеть, как широко его отсутствие было использовано Сталиным для одностороннего подбора людей, нередко в прямом противоречии с интересами дела. Генеральный секретарь опирался теперь на многочисленную фракцию, связанную, если не всегда идейными, то, во всяком случае, прочными узами. Обновление верхушки аппарата стало невозможно без подготовки серьезного политического наступления. К этому периоду относится "заговорщическая" беседа Ленина со мной о совместной борьбе против советского и партийного бюрократизма и его предложение "блока" с ним против Организационного Бюро, т. е. основной в то

время крепости Сталина. Факт беседы и содержание ее нашли вскоре свое отражение в документах и составляют неоспоримый и никем не оспоренный эпизод истории партии.

Однако уже через несколько недель в состоянии здоровья Ленина наступило новое ухудшение. Не только постоянная работа, но и деловые беседы с товарищами были ему врачами снова запрещены. Он обдумывал дальнейшие меры борьбы один, в четырех стенах. Для контроля над закулисной деятельностью секретариата Ленин разрабатывал общие меры организационного характера. Так возник план создания высокоавторитетного партийного центра в лице Контрольной комиссии из надежных и испытанных членов партии, иерархически совершенно независимых, т. е. не чиновников, не администраторов, и в то же время наделенных правами призывать к ответу всех без исключения чиновников не только партии, в том числе и членов ЦК, но, через посредство рабоче-крестьянской инспекции, и "сановников" государства - за нарушение законности партийного и советского демократизма и правил революционной морали.

23 января Ленин переслал через Крупскую для напечатания в "Правде" статью на тему о проектируемой им реорганизации центральных учреждений. Опасаясь одновременно и предательского удара со стороны болезни, и не менее предательского сопротивления секретариата, Ленин требовал, чтоб статья была напечатана в "Правде" немедленно: это означало прямую апелляцию к партии. Сталин отказал в этом Крупской, сославшись на необходимость обсудить вопрос в Политбюро. Формально дело шло об отсрочке всего на день. Но самая процедура обращения к Политбюро не предвещала ничего хорошего. По поручению Ленина, Крупская обратилась за содействием ко мне. Я потребовал немедленного созыва Политбюро. Опасения Ленина подтвердились полностью: все члены и кандидаты, присутствовавшие в заседании, Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин, Бухарин, были не только против предложенной Лениным реформы, но и против напечатания его статьи. Для утешения больного, которому каждое острое волнение грозило катастрофой, Куйбышев, будущий глава Центральной контрольной комиссии, предложил напечатать особый номер "Правды" со статьей Ленина в одном экземпляре. Так "страстно" следовали эти люди за учителем! Я с возмущением отверг предложение мистифицировать Ленина, высказался за предложенную им реформу по существу и потребовал немедленного напечатания статьи. Меня поддержал явившийся с запозданием на час Каменев. Настроение большинства было, в конце концов, сломлено тем доводом, что Ленин все равно пустит статью в обращение, ее будут переписывать на машинках и читать с удвоенным вниманием, и она тем острее направится против Политбюро. Статья появилась в "Правде" на другое утро, 25 января. И этот эпизод нашел в свое время отражение в официальных документах, на основании которых он здесь и излагается.

Считаю нужным вообще подчеркнуть, что, так как я не принадлежу к школе чистого психологизма и так как твердо установленным фактам я привык доверять больше, чем их эмоциональным отражениям в памяти, то все изложение, за вычетом особо оговоренных эпизодов, ведется мною на основании документов моего архива, тщательной проверки дат, свидетельств и всех вообще фактических обстоятельств.

Разногласия между Лениным и Сталиным

Организационная политика была не единственной ареной борьбы Ленина против Сталина. Ноябрьский пленум ЦК (1922), заседавший без Ленина и без меня, внес неожиданно радикальные изменения в систему внешней торговли, подрывавшие самую основу государственной монополии. В беседе с Красиным, тогдашним наркомом внешней торговли, я отзывался о постановлении ЦК примерно так: "Дна в бочке они еще не высадили, но несколько дыр в нем просверлили". Ленин узнал об этом. 13 декабря он писал мне: "Я бы очень просил Вас взять на себя на предстоящем пленуме защиту нашей общей точки зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии... Предыдущий пленум принял в этом отношении решение, идущее целиком вразрез с монополией внешней торговли". Не допуская в этом вопросе никаких уступок, Ленин настаивал на том, чтоб я апеллировал против ЦК к партии и съезду. Удар направлялся в первую голову против Сталина, как генерального секретаря, ответственного за поставку вопросов на пленумах Центрального Комитета. До открытой борьбы на

этот раз, однако, дело не дошло: почуяв опасность, Сталин отступил без боя: с ним вместе и другие. На декабрьском пленуме ноябрьские решения были отменены. "Как будто удалось взять позиции без единого выстрела, -- писал мне шуточно Ленин 21 декабря, -- простым маневренным движением".

Гораздо острее оказались разногласия в области национальной политики. Осенью 1922 года подготавливалось преобразование Советского государства в федеративный союз национальных республик. Ленин считал необходимым идти как можно дальше навстречу потребностям и притязаниям тех национальностей, которые долго жили под гнетом и далеко еще не оправились от его последствий. Наоборот, Сталин, руководивший подготовительной работой в качестве народного комиссара по делам национальностей, проводил и в этой области политику бюрократического централизма. Выздоровливающий Ленин из подмосковной деревни полемизировал со Сталиным в письмах, адресованных Политбюро. В своих первых замечаниях на сталинский проект федеративного объединения Ленин крайне мягок и сдержан. Он еще надеется в эти дни - конец сентября 1922 года - уладить вопрос через Политбюро, без открытого конфликта. Ответы Сталина, наоборот, проникнуты заметным раздражением. Он возвращает Ленину упрек в "торопливости" и присоединяет к нему обвинение в "национальном либерализме", т. е. в покровительстве окраинному национализму. Эта переписка, политически крайне интересная, до сих пор скрывается от партии.

Бюрократическая национальная политика успела тем временем вызвать в Грузии резкую оппозицию, объединившую против Сталина и его правой руки, Орджоникидзе, цвет грузинского большевизма. Через Крупскую Ленин вступил с вождями грузинской оппозиции (Мдивани, Махарадзе и др.) в негласную связь против фракции Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского. Борьба на окраинах была слишком остра, и Сталин слишком связал себя с определенными группировками, чтобы молча отступить, как в вопросе о монополии внешней торговли. В течение ближайших недель Ленин окончательно убеждается, что придется апеллировать к партии. В конце декабря он диктует обширное письмо по национальному вопросу, которое должно будет заменить на съезде его речь, если болезнь помешает ему выступить.

Ленин выдвигает против Сталина обвинение в административном увлечении и озлоблении против мнимого национализма. "Озлобление, -- пишет он многозначительно, -- вообще играет в политике обычно самую худую роль". Борьбу против справедливых, хотя бы на первых порах даже преувеличенных требований угнетавшихся ранее наций Ленин квалифицирует как проявление великорусского бюрократизма. Он впервые называет своих противников по имени. "Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского". Что великоросс Ленин обвиняет грузина Джугашвили и поляка Дзержинского в великорусском национализме, может показаться парадоксальным. Но дело идет здесь совсем не о национальных чувствах и пристрастиях, а о двух системах политики, различия которых обнаруживаются во всех областях, в том числе и в национальной. Осуждая беспощадно методы сталинской фракции, Раковский писал несколько лет спустя: "К национальному вопросу, как и ко всяким другим вопросам, бюрократия подходит с точки зрения удобства управления и регулирования". Лучше этого нельзя сказать.

Словесные уступки Сталина несколько не успокаивали Ленина, наоборот, обостряли его подозрительность. "Сталин пойдет на гнилой компромисс, -- предостерегал меня Ленин через своих секретарей, -- а потом обманет". Именно таков был путь Сталина. Он готов был принять на ближайшем съезде любую теоретическую формулу национальной политики, под условием, чтоб это не ослабляло его фракционной опоры в центре и на окраинах. Правда, у Сталина было достаточно оснований опасаться, что Ленин видит его кланы насквозь. Но, с другой стороны, положение большою продолжало ухудшаться, Сталин холодно включал этот немаловажный фактор в свои расчеты. Практическая политика генерального секретариата становилась тем решительнее, чем хуже становилось здоровье Ленина. Сталин пытался изолировать опасного контролера от всякой информации, которая могла бы дать ему орудие против секретариата и его союзников. Политика блокады направлялась, естественно, против лиц, наиболее близких Ленину. Крупская делала что могла, чтоб оградить больного от соприкосновения с враждебными махинациями секретариата.

Но Ленин умел по случайным симптомам догадываться о целом. Он отдавал себе безошибочный отчет в действиях Сталина, его мотивах и расчетах. Нетрудно понять, какую реакцию они вызывали в его сознании. Напомним, что к этому моменту в письменном столе Ленина кроме Завещания, настаивавшего на смещении Сталина, лежали уже документы по национальному вопросу, которые секретарями Ленина, Фотиевой и Гляссер, чутко отражавшими настроения того, с кем сотрудничали, назывались "бомбой против Сталина".

Полугодие обостряющейся борьбы

Свою мысль о роли ЦК, как охранительницы партийного права и единства, Ленин развивал в связи с вопросом о реорганизации Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин), во главе которой в течение нескольких предшествующих лет стоял Сталин. 4 марта в "Правде" появилась знаменитая в истории партии статья "Лучше меньше, да лучше". Работа писалась в несколько приемов. Ленин не любил и не умел диктовать. Статья долго не давалась ему. 2 марта он прослушал наконец чтение статьи с удовлетворением: "Теперь, кажется, вышло..." Реформу руководящих партийных учреждений статья включала в широкую политическую перспективу, национальную и международную. На этой стороне дела мы здесь останавливаться, однако, не можем. Зато в высшей степени важна для нашей темы та гласная оценка, которую Ленин давал Рабоче-крестьянской инспекции: "Будем говорить прямо. Наркомат Рабкрин не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрин, нет, и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать".

Этот необыкновенный по резкости отзыв главы правительства в печати об одном из важных государственных учреждений бил прямо и

непосредственно по Сталину как организатору и руководителю инспекции. Причины, надо надеяться, теперь ясны. Инспекция должна была служить главным образом для противодействия бюрократическим извращениям революционной диктатуры. Эта ответственная функция могла выполняться с успехом только при условии полной лояльности руководства. Но именно лояльности Сталину не хватало. Инспекцию, как и партийный секретариат, он превратил в орудие аппаратных происков, покровительства "своим" и преследования противников. В статье "Лучше меньше, да лучше" Ленин открыто указывает на то, что предлагаемая им реформа инспекции, во главе которой был незадолго перед тем поставлен Цюрупа, должна встретить противодействие "всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной". "В скобках будь сказано, -- прибавляет он многозначительно, -- бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных". Это был вполне намеренный удар по Сталину как генеральному секретарю.

Не будет, таким образом, преувеличением сказать, что последнее полугодие политической жизни Ленина, между выздоровлением и вторым заболеванием, заполнено все обостряющейся борьбой против Сталина. Напомним еще раз главные даты. В сентябре Ленин открывает огонь против национальной политики Сталина. В первой половине декабря выступает против Сталина по вопросу о монополии внешней торговли. 25 декабря пишет первую часть Завещания. 30--31 декабря -- свое письмо по национальному вопросу ("бомбу"). 4 января делает приписку к Завещанию о необходимости снять Сталина с поста генерального секретаря. 23 января выдвигает против Сталина тяжелую батарею: проект Контрольной комиссии. В статье 2 марта наносит двойной удар Сталину как организатору Инспекции и генеральному секретарю. 5 марта пишет мне по поводу своего меморандума по национальному вопросу: "Если б вы согласились взять на себя его защиту, то я мог бы быть спокойным". В тот же день он впервые открыто солидаризуется с непримиримыми грузинскими противниками Сталина, извещая их особой запиской о том, что он "всей душой" следит за их делом и готовит для них документы против Сталина -- Орджоникидзе -- Дзержинского. "Всей душой" -- это выражение не часто встречается у Ленина.

"Вопрос этот (национальный) чрезвычайно его волновал, -- свидетельствует секретарь Ленина, Фотиева, -- и он готовился выступить по нему на партсъезде". Но за месяц до съезда Ленин окончательно свалился, так и не успев сделать распоряжения насчет статьи. У Сталина гора свалилась с плеч. В сеньорен-конвенте XII съезда он решил уже говорить, в свойственном ему стиле, о письме Ленина как о документе больного человека, находящегося под

влиянием "бабья" (т. е. Крупской и двух секретарей). Под предлогом необходимости выяснить действительную волю Ленина решено было письмо сохранить под спудом. Там пребывает оно до сего дня.

Перечисленные выше драматические эпизоды, как ни ярко они сами по себе, и в отдаленной степени не передают той страстности, с которой Ленин переживал партийные события в последние месяцы своей активной жизни: в письмах и статьях он накладывал на себя обычную, т. е. очень строгую цензуру. Природу своей болезни Ленин достаточно хорошо знал по опыту первого удара. После того как он вернулся к работе, в октябре 1922 года, капиллярные сосуды мозга не переставали напоминать ему о себе чуть заметными, но зловещими и все более частыми толчками, явно угрожая рецидивом. Ленин трезво оценивал собственное положение, несмотря на успокоительные заверения врачей. К началу марта, когда ему пришлось снова отстраниться от работы, по крайней мере, от заседаний, свиданий и телефонных переговоров, он унес в свою комнату больного ряд тягостных наблюдений и опасений. Бюрократический аппарат стал самостоятельным фактором большой политики, с тайным фракционным штабом Сталина в Секретариате ЦК. В национальной области, где Ленин требовал особой чуткости, все откровеннее выступали наружу клыки имперского централизма. Идеи и принципы революции подгибались под интересы закулисных комбинаций. Авторитет диктатуры все чаще служил прикрытием для чиновничьего командования.

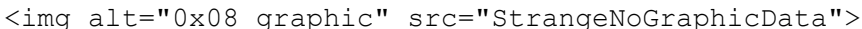
Ленин остро ощущал приближение политического кризиса и боялся, что аппарат задушит партию. Политика Сталина стала для Лени-на в последний период его жизни воплощением поднимающего голову бюрократизма. Больной должен был не раз содрогаться от мысли, что не успеет уже провести ту реформу аппарата, о которой он перед вторым заболеванием вел переговоры со мною. Страшная опасность угрожала, казалось ему, делу всей его жизни.

А Сталин? Зайдя слишком далеко, чтоб отступить; подталкиваемый собственной фракцией; страшась того концентрического наступления, нити которого сходились у постели грозного противника, Сталин шел уже почти напролом, открыто вербовал сторонников раздачей партийных и советских постов, терроризовал тех, которые прибегали к Ленину через Крупскую, и все настойчивее пускал слух о том, что Ленин уже не отвечает за свои действия. Такова та атмосфера, из которой выросло письмо Ленина о полном разрыве со Сталиным. Нет, оно не упало с безоблачного неба. Оно означало лишь, что чаша терпения переполнилась. Не только хронологически, но политически и морально оно подвело заключительную черту под отношениями Ленина к Сталину.

Удивляться ли тому, что Людвиг, благочестиво повторяющий официальную версию о верности ученика учителю "до самой его смерти", ни словом не упоминает об этом финальном письме, как, впрочем, и обо всех других обстоятельствах, которые не мирятся с нынешней кремлевской легендой? О факте письма Людвиг, во всяком случае, должен был знать хотя бы из моей Автобиографии, с которой он в свое время ознакомился, ибо дал об ней благожелательный отзыв. Может быть, Людвиг сомневался в достоверности моего показания? Но ни факт письма, ни его содержание никогда и никем не оспаривались. Более того, они удостоверены в стенографических протоколах ЦК. На июльском Пленуме 1926 года Зиновьев говорил: "В начале 1923 года Владимир Ильич в личном письме к т. Сталину рвал с ним товарищеские отношения" (Стенографический отчет Пленума. Вып. 4. С. 32). И другие ораторы, в том числе М. И. Ульянова, сестра Ленина, говорили о письме как о факте общеизвестном в кругу ЦК. В те дни Сталину не могло даже прийти в голову оспаривать эти показания. Он не покушался на это, впрочем, насколько я знаю, в прямой форме и позже.

Правда, официальная историография сделала за последние годы поистине грандиозные усилия, чтоб вытравить из людской памяти всю эту главу истории в целом. В отношении комсомола эти усилия достигли известных результатов. Но исследователи, казалось бы, для того и существуют, чтоб разрушать легенды и восстанавливать действительность в ее правах. Или это не относится к психологам?

Гипотеза "дуумвирата"

Выше намечены вехи последней борьбы между Лениным и Сталиным. На всех

ее этапах Ленин искал моей поддержки и находил ее. Из речей, статей и писем Ленина можно было бы без труда привести десятки свидетельств того, что после нашего кратковременного расхождения по вопросу о профсоюзах, он в течение 1921, 22 и начала 23 годов не упускал ни одного случая, чтоб в открытой форме не подчеркнуть своей солидарности со мной, не процитировать того или другого моего заявления, не одобрить того или другого моего шага. Надо думать, у него были для этого не личные, а политические мотивы. Что, однако, могло тревожить и огорчать его в самые последние месяцы, это моя недостаточно активная поддержка его военных действий против Сталина. Да, таков парадокс положения! Ленин, боявшийся в дальнейшем раскола партии по линиям Сталина и Троцкого, для данного момента требовал от меня более энергичной борьбы против Сталина,

Противоречие тут, однако, лишь внешнее. Именно в интересах устойчивости партийного руководства в будущем Ленин хотел теперь резко осудить Сталина и разоружить его. Меня же сдерживало опасение того, что всякий острый конфликт в правящей группе в то время, как Ленин боролся со смертью, мог быть понят партией, как метание жребия из-за ленинских риз. Я совсем не касаюсь здесь вопроса о том, правильна ли была в этом случае моя сдержанность, как и более широкого вопроса о том, можно ли было в то время предотвратить надвигающиеся опасности организационными реформами и личными перестановками. Но как далеко все же действительное расположение действующих лиц от той картины, которую дает нам популярный немецкий писатель, слишком легко подбирающий ключи ко всем загадкам!

Мы слышали от него, что Завещание "решило судьбу Троцкого", т. е. послужило, очевидно, причиной того, что Троцкий утратил власть. По другой версии Людвиг, которую он излагает рядом, даже не пытается примирить ее с первой, Ленин хотел "дуумвират Троцкий - Сталин". Эта последняя мысль, также несомненно внушенная Радеком, как нельзя лучше свидетельствует, к слову сказать, что даже теперь, даже в ближайшем окружении Сталина, даже при тенденциозной обработке приглашенного для диалогов иностранного писателя, никто не отваживается утверждать, будто Ленин видел в Сталине своего преемника. Чтоб не вступать в слишком уже грубое противоречие с текстом Завещания и ряда других документов, приходится выдвигать задним числом идею дуумвирата.

Но как примирить эту новую версию с советом Ленина: сменить генерального секретаря? Ведь это означало бы лишить Сталина всех орудий его влияния. Так не поступают с кандидатом в дуумвиры. Нет, и вторая гипотеза Радека - Людвиг, более осторожная, не находит опоры в тексте Завещания. Цель документа определена его автором: обеспечить устойчивость ЦК. Путей к этому Ленин искал не в искусственной комбинации дуумвирата, а в усилении коллективного контроля над деятельностью вождей. Как он представлял себе при этом относительное влияние отдельных лиц в коллективном руководстве, об этом читателю предоставляется делать те или иные выводы на основании приведенных выше цитат из Завещания. Не следует только упускать при этом из виду, что Завещание не было последним словом Ленина и что отношение его к Сталину становилось тем суровее, чем больше он чувствовал приближение развязки.

Людвиг не сделал бы столь капитальной ошибки в оценке смысла и духа Завещания, если бы поинтересовался его дальнейшей судьбой. Скрытое Сталиным и его группой от партии, Завещание перепечатывалось и переиздавалось только оппозиционерами, разумеется, тайно. Сотни моих друзей и сторонников были арестованы и сосланы за переписку и распространение этих двух страничек. 7 ноября 1927 года, в день десятилетия Октябрьской революции, московские оппозиционеры участвовали в юбилейной демонстрации с плакатами "Выполним Завещание Ленина". Специальные отряды сталинцев врывались в колонны демонстрирующих и вырывали преступный плакат. Два года спустя, к моменту моей высылки за границу, создана была даже версия о подготовлявшемся "троцкистами" 7 ноября 1927 года восстании: призыв "выполнить Завещание Ленина" истолковывался сталинской фракцией как призыв к перевороту! И сейчас Завещание состоит под запретом всех секций Коминтерна. Наоборот, левая оппозиция во всех странах перепечатывает Завещание по каждому подходящему поводу. Политически эти факты исчерпывают вопрос.

Радек как первоисточник

Откуда же взялся все-таки фантастический рассказ о том, будто при оглашении Завещания, точнее, "шести слов", которых в Завещании нет, я вскочил с места с вопросом: "Как там сказано?" На этот счет я могу предположить только гипотетическое объяснение. Насколько оно вероподобно, пусть судит читатель.

Радек принадлежит к числу профессиональных остряков и рассказчиков анекдотов. Этим я не хочу сказать, что у него нет др>гих достоинств. Но достаточно того, что на VII съезде партии 8 марта 1918 года Ленин, вообще очень сдержанный в отзывах о людях, счел возможным сказать: "Я вернусь к товарищу Радеку, и здесь я хочу отметить, что ему удалось н е ч а я н н о сказать серьез-ную фразу..." И дальше опять: "На этот раз вышло так, что у Радека получилась совершенно серьезная фраза..." Люди, которые говорят серьезно лишь в виде исключения, имеют органическую склонность поправлять действительность, ибо в сыром виде она не всегда пригодна для анекдотов. Мой личный опыт научил меня относиться к свидетельским показаниям Радека с крайней осторожностью: обычно он не рассказывает о событиях, а излагает по поводу них остроумный фельетон. Так как всякое искусство, в том числе и анекдотическое, стремится к синтезу, то Радек склонен соединять воедино разные факты или яркие черты разных эпизодов, хотя бы и разделенных временем и пространством. Здесь нет злой воли. Это голос призванья.

Так, очевидно, случилось и на этот раз. Радек скомбинировал, по всем признакам, заседание Совета старейшин XIII съезда с заседанием Пленума ЦК 1926 года, несмотря на то что между тем и другим промежуток больше двух лет. На Пленуме тоже оглашались секретные рукописи, в том числе и Завещание. Читал их на этот раз действительно Сталин, а не Каменев, который сидел уже рядом со мной на скамье оппозиции. Оглашение вызвано было тем, что по партии уже довольно широко ходили в то время копии Завещания, национального письма Ленина и других документов, державшихся под тройным замком. Партийный аппарат нервничал, желая удостовериться, что на самом деле сказал Ленин. "Оппозиция знает, а мы не знаем". После длительного сопротивления Сталин увидел себя вынужденным огласить запретные документы на заседании ЦК: этим самым они попадали в стенограмму, которая печаталась в секретных тетрадах для верхов партийного аппарата.

При оглашении завещания не было и на этот раз никаких возгласов, ибо членам ЦК документ был уже давно и слишком хорошо известен. Но я действительно прервал Сталина при оглашении переписки по национальному вопросу. Эпизод сам по себе не так уж значителен, но, может быть, он пригодится психологам для кое-каких выводов.

Ленин был крайне экономен в своих литературных средствах и приемах. Деловую переписку с ближайшими сотрудниками он вел телеграфным языком. В обращении стояла всегда фамилия адресата со значком "т" (товарищ), в подписи -- Ленин. Сложные пояснения заменялись двойным или тройным подчеркиванием отдельных слов, лишним восклицательным знаком и пр. Все мы слишком хорошо знали особенности ленинской манеры, и потому даже небольшое отступление от обычного лаконизма обращало на себя внимание.

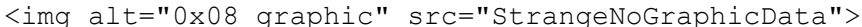
При пересылке своего письма по национальному вопросу Ленин писал мне 5 марта: "Уважаемый тов. Троцкий. Я просил бы Вас очень ваять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я мог бы быть спокойным,

Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия. С наилучшим товарищеским приветом. Ленин. 5 марта 23 г."

И содержание, и тон этой небольшой записки, продиктованной в последний день, политической жизни Ленина, были для Сталина не менее тяжки, чем Завещание. Недостаток "беспристрастия" - ведь это означало недостаток все той же лояльности. В записке меньше всего чувствовалось доверие к Сталину -- "даже совсем напротив" - и подчеркивалось доверие ко мне. Подтверждение негласного союза между Лениным и мною против Сталина и его фракции было

налицо. Сталин плохо владел собою, оглашая записку. Подойдя к подписи, он запнулся. "С наилучшим товарищеским приветом" - это было слишком демонстративно под пером Ленина. Сталин прочитал: "с коммунистическим приветом". Это звучало суше и официальнее. В этот момент я действительно приподнялся с места и спросил: "Как там написано?" Сталин оказался вынужден, не без смущения, прочитать подлинный ленинский текст. Кое-кто из его ближайших друзей кричал мне, что я придираюсь к мелочам, хотя я ограничился лишь проверочным вопросом. Маленький инцидент произвел впечатление. О нем говорили на верхах партии. Радек, который уже не был к этому времени членом ЦК, узнал о происходившем на Пленуме из чужих уст, может быть, и из моих. Пять лет спустя, когда он был уже со Сталиным, а не со мною, его гибкая память помогла ему, очевидно, скомбинировать синтетический эпизод, натолкнувший Людвигу на столь эффектные и столь ошибочные выводы.

Легенда о "троцкизме"

Хотя Ленин, как мы видели, и не нашел основания указывать в Завещании, что мое небольшевистское прошлое было "не случайно", но я готов принять эту формулу на свой собственный счет. В мире духовном закон причинности столь же непреклонен, как и в мире физическом. В этом общем смысле моя политическая орбита была, конечно, "не случайной". Но то обстоятельство, что я стал большевиком, тоже не случайно. Вопрос же о том, насколько прочно и серьезно я пришел к большевизму, не решается ни голой хронологической справкой, ни догадками фельетонного психологизма: нужен теоретический и политический анализ. Это, конечно, слишком большая тема, лежащая целиком вне рамок настоящего очерка. Для нашей цели достаточно того, что Ленин, называя поведение Зиновьева и Каменева в 1917 году "не случайным", делал не философское напоминание о законах детерминизма, а политическое предостережение на будущее. Но как раз поэтому Радеку и понадобилось, через Людвигу, перенести предостережение с Зиновьева и Каменева на меня.

Напомним главные вехи вопроса. С 1917 по 1924 г. о противопоставлении троцкизма ленинизму вообще не было речи. На этот период падают октябрьский переворот, гражданская война, строительство Советского государства, создание Красной Армии, выработка партийной программы, учреждение Коммунистического Интернационала, образование его кадров, составление его основных документов. После отхода Ленина от работы в основном ядре ЦК развиваются серьезные разногласия. В 1924 году призрак "троцкизма" - после тщательной закулисной подготовки - выпускается на сцену. Вся внутренняя борьба в партии ведется отныне в рамках противопоставления троцкизма ленинизму,

Другими словами, порожденные новыми условиями и задачами разногласия между мною и эпигонами изображаются как продолжение старых моих разногласий с Лениным. На эту тему создана необъятная литература. Ее застрельщиками являлись неизменно Зиновьев и Каменев. В качестве старых и наиболее близких сотрудников Ленина они становятся во главе "старой большевистской гвардии" против троцкизма. Но под давлением глубоких социальных процессов сама эта группа раскалывается. Зиновьев и Каменев оказываются вынуждены признать, что так называемые "троцкисты" в коренных вопросах оказались правы. Новые тысячи старых большевиков примыкают к "троцкизму".

На июльском Пленуме 1026 года Зиновьев заявил, что его борьба против меня была самой большой ошибкой его жизни, "более опасной, чем ошибка 1917 года". Орджоникидзе не без основания крикнул ему со своей скамьи: "Что же вы морочили голову всей партии?" (См. уже цитированный стенографический отчет.) На эту тяжеловесную реплику Зиновьев официального ответа не нашел. Но неофициальное объяснение он дал на совещании оппозиции в октябре 1928 года. "Ведь надо же понять то, что было, -- говорил он при мне своим ближайшим друзьям, ленинградским рабочим, честно уверовавшим в легенду о троцкизме, -- была борьба за власть. Все искусство состояло в том, чтобы связать старые разногласия с новыми вопросами. Для этого и был выдвинут троцкизм..."

За время своего двухлетнего пребывания в оппозиции Зиновьев и Каменев успели полностью раскрыть закулисную механику предшествующего периода, когда они, вместе со Сталиным, создавали легенду троцкизма заговорщическим путем. Еще через год, когда окончательно выяснилось, что оппозиции придется долго и

упорно плыть против течения, Зиновьев и Каменев сдались на милость победителя. В качестве первого условия их партийкой реабилитации от них потребовали реабилитации легенды о троцкизме. Они пошли на это. Тогда я решил закрепить их собственные вчерашние заявления на этот счет через ряд авторитетных свидетельств. Радек, никто другой, как Карл Радек, дал нижеследующее письменное показание: "Присутствовал при разговоре с Каменевым о том, что Каменев расскажет на Пленуме ЦК, как они (т. е. Каменев и Зиновьев), совместно со Сталиным, решили использовать старые разногласия Троцкого с Лениным, чтобы не допустить после смерти Ленина т. Троцкого к руководству партией. Кроме того, много раз слышал из уст Зиновьева и Каменева о том, как они "изобретали" троцкизм как актуальный лозунг. 25 декабря 1927 г. К. Радек".

Аналогичные письменные показания даны Преображенским, Пятаковым, Раковским и Эльциным. Пятаков, заместитель народного комиссара тяжелой промышленности, следующими словами резюмировал за явление Зиновьева: "Троцкизм был выдуман для того, чтобы подменить действительные разногласия мнимыми, то есть разногласиями, взятыми из прошлого, не имеющими никакого значения теперь, но искусственно гальванизированными в вышеуказанных целях". Кажется, ясно? "Никто, -- писал, в свою очередь, В. Эльцин, представитель более молодого поколения, -- никто из присутствующих при этом зиновьевцев не возражал. Все приняли это сообщение Зиновьева как факт общеизвестный".

Приведенное выше свидетельство Радека помечено им 25 декабря 1927 г. Через несколько недель он был уже в ссылке, а через несколько месяцев, под меридианом Томска, убедился в правоте Сталина, не раскрывшейся ему ранее в Москве. Но и от Радека власти потребо-

вали в качестве условия признания реальности все той же легенды о троцкизме. После того как Радек пошел на это, ему не осталось ничего иного, как повторять старые формулы Зиновьева, которые последний разоблачил в 1926 году, чтобы вернуться к ним снова в 1928 г. Радек сделал больше: в беседе с доверчивым иностранцем он переделал Завещание Ленина так, чтобы найти в нем опору для эпигонской легенды о троцкизме.

Из этой краткой исторической справки, опирающейся исключительно на документальные данные, вытекает много выводов; один из них гласит: революция -- суровый процесс, и она не щадит человеческих позвоночника.

* * *

Ход дальнейших событий в Кремле и в Союзе определялся не отдельным документом, хотя бы то было и Завещание Ленина, а историческими причинами гораздо более глубокого порядка. Политическая реакция после величайшего напряжения лет переворота и гражданской войны была неизбежна. Понятие реакции надо было в этой связи строго отличать от понятия контрреволюции. Реакция не предполагает непременно социального переворота, т. е. смены у власти одного класса другим. Даже при царизме были свои периоды прогрессивных реформ и периоды реакции. Настроения и ориентировки господствующего класса меняются в зависимости от обстоятельств. Это относится и к рабочему классу. Давление мелкой буржуазии на уставший от потрясений пролетариат означало оживление мелкобуржуазных тенденций в самом пролетариате, а вместе с тем и первую глубокую реакцию, на волне которой поднялся к власти нынешний бюрократический аппарат, возглавленный Сталиным.

Те свойства, которые Ленин ценил в Сталине - упорство характера и хитрость, -- оставались, конечно, и сейчас; но они получили иное поле действия и иную точку приложения. Те черты, которые в прошлом означали минусы в личности Сталина: узость кругозора, недостаток творческой фантазии, эмпиризм - приобрели сейчас в высшей степени актуальное значение: они позволили Сталину стать полусознательным орудием советской бюрократии, и они побудили бюрократию увидеть в Сталине своего призванного вождя. Десятилетняя борьба на верхах большевистской партии с несомненностью показала, что в условиях нового этана революции Сталин до конца развивал те именно стороны своего политического характера, которым Ленин в последний период своей жизни объявил непримиримую борьбу. Но этот вопрос, стоящий и сегодня в фокусе советской политики, выводит нас далеко за пределы нашей исторической темы.

Со времени рассказанных событий много воды утекло. Если уже десять лет тому назад в действии были факторы, гораздо более могущественные, чем советы Ленина, то сейчас и вовсе наивно было апеллировать к Завещанию как к актуальному политическому аргументу. Интернациональная борьба между двумя группировками, выросшими из большевизма, давно переросла судьбу отдельных лиц. Ленинское письмо, известное под именем Завещания, сохраняет ныне главным образом исторический интерес. Но история, смеем думать, тоже имеет свои права, которые к тому же не всегда вступают в конфликт с интересами политики. Элементарнейшие из научных требований: правильно устанавливать факты и проверять слухи по документам можно, во всяком случае, одинаково рекомендовать как политикам, так и историкам. Его следовало бы распространить даже на психологов.

Принкипо, 31 декабря 1932 г.